

Transcripts:

(00:03) [музыка] Христос посреди нас. Мир вам, братья и сёстры. Сегодня у нас долгий разговор. Мы продолжим разбор темы, которую начали выпуском программы Вечно ли вечная муки. Ссылку на это видео я дам в комментариях для тех, кто не смотрел. Там я приводил разные точки зрения на вопросы эсхатологии. И очень приятная и увлекательная реакция на вот это видео была такая интересная богословская работа, написанная одним из моих подписчиков, который мотивирует к ещё более глубокому размышлению на эту тему.

(00:45) Саму работу этого автора я опубликовал в нашей закрытой группе для священников Киригма Иерос. Мне кажется, что лучше, если будут обсуждать люди всё-таки с богословским образованием. Вот недавно я получил письмо от автора этого трактата с очень интересными вопросами. И я подумал, что почему мы вдвоём должны с ним об этом только думать.

(01:10) Может быть, этот разговор наш будет интересен не только автору письма, но и другим моим подписчикам. И вот сегодня я засчитаю отрывок из этого письма. Он довольно большой. Итак, автор пишет: "Я исхожу из того, что боговоплощение не является планом Б и не представляет собой лишь реакцию Бога на грехопадение. Напротив, соединение Бога и твари во Христе было изначальным замыслом Божиим о мире".

(01:46) Грех изменил путь осуществления этого замысла, но не сам замысел. Поэтому крест, страдания и смерть и воскресение Христова я понимаю как путь осуществления этого предвечного замысла уже в условиях падшего мира. Исцеление повреждённой природы является следствием этого замысла, но не а не его первоначальной целью. Дальше возникает вопрос.

(02:11) Священное писание предание церкви свидетельствует об окончательности эсхатологического разделения. Но если после всеобщего воскресения человеческая природа полностью восстановлена, смертью уничтожена, тление преодолено, то зло уже не может пониматься как повреждённость природы. Тогда оно, по-видимому, должно мыслиться уже исключительно как состояние личностного отношения к Богу, как непричастность в полноте общения с ним.

(02:47) И вот здесь у меня начинается самое трудное. Мне всё время казалось, что существует только две возможности. Либо будет исцелена, исцелено абсолютно всё, но это то, о чём писал Исаак Сирий и другие отцы, либо в мироздании остаётся вечная рана. Но чем дальше я размышляю, тем больше понимаю, что, возможно, мы бессознательно переносим категории исторического бытия в эсхатологию, тогда как после исполнения истории сами категории могут требовать от нас совсем иного осмысления.

(03:22) Однако остаётся вопрос, который я пока не могу разрешить. Если Бог действительно творит мир как единое целое, если весь космос получает своё исполнение во Христе, если грехопадение есть раскол этой целостности, а дело Христа восстановление и соединение всего, то как мыслить окончательное исполнение этого замысла, если бы если хотя бы одна личность навсегда остаётся вне полноты общения с Богом? Я понимаю традиционный ответ: природа полностью исцелена, а личность свободна.

(03:58) Но у меня не оставляет ощущения, что личность нельзя рассматривать как нечто внешнее по отношению к природе. Ведь именно личность является ипостасным способом существования природы. Поэтому возникает вопрос: можно ли говорить о полном исполнении замысла о

творении, если остаётся вечная непричастность личности к тому общению, ради которого, собственно, творение и было создано? С другой стороны, если предположить обратное, то возникает не менее серьёзная проблема.

(04:33) Как тогда согласовать это с теми свидетельствами Священного Писания и Предания, которые говорят об окончательности эсхатологического разделения? Получается, что я всё время упираюсь в три положения, каждое из которых само по себе представляется несомненным. Первое, полнота победы Христа и исполнение первоначального замысла Божьего о творении.

(04:58) Второе, подлинная свобода личности. И третье, окончательность эсхатологического разделения, о которой свидетельствует предание. Но каким образом эти три истины соединяются между собой, я пока не могу понять. Возможно, ответ существует, но мне пока не удалось его увидеть. Вот такое интересное письмо.

(05:24) [вздыхает][фыркает] Сначала я объясню мысль автора поподробнее. Предельный вопрос - это соотношение ипостаси личности и природы в эсхатологической перспективе. Если как определить искусственный разрыв между природой, физикой и личностью, ипостасию, личный выбор невозможно полностью оторвать от природы, поскольку именно личность является ипостасным способом существования природы.

(06:00) И вот здесь нельзя не согласиться с автором этого письма. Традиционная попытка сгладить это напряжение со стороны наших школьных богословов и школьного богословия звучит, ну, известно, как мы все это понимаем. Бог исцелил всю природу, а личность свободна, и она сама выбирает ад. Но если ипостас - это не внешний довесок, а единственный реальный способ существования природы, то может ли природа быть полностью исцелена, если конкретная ипостась остаётся в состоянии вечного распада, отчуждения или вот этой экзистенциальной смерти? Если хотя бы

(06:43) малая часть ипостасии остаётся вне общения с источником бытия, значит, в некотором смысле искажён и сам рассвет единой человеческой природы, её исцеление. >> Э, и автор сформулировал такой богословский треугольник. Внутри каждого христианского вообще этот треугольник, я скажу, он всегда был камнем преткновения.

(07:09) Внутри этого треугольников время столетиями ходила наша христианская мысль. Она билась об этом. С одной стороны, это ээ всемогущество и всепобеждающая любовь Божья. Это Павлова, да будет Бог всё во всём. И воплощение как изначальный замысел, а не просто как спасательная операция. Это, во-вторых, абсолютный характер человеческой свободы.

(07:36) Бог не спасает насильно. Свободный выбор не может быть упразднён или обнулён без уничтожения самой личности. И третье - это верность писанию, преданию свидетельство об окончательности эсхатологического разделения и о вечном отчуждении. Э, конечно, удержать вот эти все три вершины одновременно в рамках нашей формальной или исторической логики, ну, человеческий разум не способен.

(08:05) Выпадение любого из этих трёх пунктов ведёт либо к оригинализму, детерминизму, либо к дуализму, вечное существование зла наряду с Богом, либо к какому-то, скажем, там, иностремному юридизму и так далее. И очень точное замещение сделано о переносе категории времени в вечность. Мы бессознательно, пишет автор письма, переносим категории исторического бытия в эсхатологию, тогда как после исполнения истории сами категории эти могут быть уже требовать какого-то иного осмысления.

(08:39) Я, конечно, ни в коем случае не беру на себя роль и право и возможность ответить на эти вопросы поставлены. Я всего лишь буду размышлять и предлагать свои частные телогуменные, боссовские мнения, на которых я имею право, как и каждый из вас. В предыдущей передаче,

посвящённой этой теме, я уже говорил, что Исаак Сирин, Григорий Ниский, другие отцы, они не исключали возможности всеобщее восстановления падшего мира, и никто их за это не осуждал.

(09:11) Противники апокатастасиса, как правило, сыраются на решение Пятого Вселенского собора, [вздыхает] это 553 год, и на анафематизма против оригина, вернее оригинализма. Ну, мы знаем, что наше и критическое, патологическое исследование чётко показывает, что Пятый Вселенский собор осудил оригиналистический миф о предсуществовании душ и о циклическом восстановлении, в котором материальный мир лишь следствие падения, а спасение - это возвращение в исходное бестелесное ээ состояние.

(09:48) При этом учение святителя Григория Ниского, который развивал идею спасения всех и всеобщего восстановления на чисто христологическом, а не на оригеновском основании, оно никогда не было осуждено ни одним вселенским собором. Более того, в шестой вселенский собор, седьмой на этих соборах Григорий Ниский прославился как отец отцов. В предании существует, мы говорили же опять-таки в предыдущей программе, две параллельные линии, которые как бы удерживают вот этот богословский парадокс.

(10:22) Первая такая строгая педагогическая - это предупреждение о вечной гибели. А червень, усыпающими судь, она предназначена для исторического человека, находящегося вот в состоянии вот этой духовной беспечности. А вторая линия - это литургическая, где мы молимся, в том числе и в аде одержимых. Если бы разделение было уже абсолютно метафизически конечно и запечатано, то эти молитвы теряли бы всякий смысл.

(10:53) Но тем не менее мы продолжаем молиться. Вообще любая наша панихида, о ком мы молимся там, конечно же, не о тех, кто находятся в раю. Они не нуждаются в том, чтобы мы просили Бога о прощении грехов. Откровение говорит о серьёзности человеческого выбора, но оно же говорит и о серьёзности победе Христа. А вот попытка зафиксировать ад как такую юридическую вечную систему наказания - это чаще даже не божественное откровение, это скорее, ну, я думаю, это результат проникновения Рима, римско-правового мышления и такой

(11:30) средневековой схоластики в восточно-христианскую мысль. Ну, тут тоже можно поспонить и сказать, что да, мы молимся сейчас, мы живём во времени, и эти изменения могут происходить, пока стоит этот мир, пока есть время, пока мы церковь странствующая. Но как только время прекращает своё существование, всё сущее фиксируется в том состоянии, в котором она входит в вечность.

(11:57) И изменение уже не подлежит. Мы часто слышим эту точку зрения. Я думаю, вы её слышали уже не раз. Но давайте немножко ээ на вскидку посмотрим некоторые момен цитаты Священного Писания, которые говорят о времени. Откуда мы знаем, что времени уже не будет? Да как мы это можем понимать? Ну вот есть прямая цитата того же Откровения Иоанна Богослова, и где мы читаем: "Ангел поклялся живущим во веки веков, что времени уже не будет".

(12:31) То есть прямое указание. Это откровение, десятая глава, пятый, шестой стих. Но уже в 20 второй главе той же книги Откровения набага слова мы читаем слова, где описывается небесный Иерусалим, этот вечный град, образ царства небесного. И мы там читаем такие слова: "Среди улицы его древо жизни 12 раз приносящее плоды, дающие на каждый месяц плоды свои и листья дерева для исцеления народов".

(13:09) [вздыхает] Это Откровение 22 второй стих. Но если времени уже не будет, то какие могут быть месяцы, из которых, как известно, складываются годы? И ещё важный момент, это слова для исцеления народов. Исцеление - это, вообще-то, процесс, который проходит во времени. И какое может быть исцеление при фиксации времени, когда уже времени нет, уже нету перемен.

(13:33) А фраза ангела: "Времени больше не будет". В реческом оригинале она звучит как хронос экетти эстай и означает прежде всего прекращение времени как длительности тления, распада, как старение, ну, как ожидание. Завершается хронос, история падшего мира. Но это не значит, что бытие превращается в такой, знаете, статически застывший, мёртвый, неизменяемый монолит.

(14:12) У того же святителя Григория Низкого есть фундаментальная концепция экстасиса. Экстасис - это выход из себя до устремления, выхождения за пределы. ограничена, а Бог бесконечен. Поэтому жизнь вечности - это не статичное такое пребывание в облаке, а бесконечное динамическое углубление в Бога, переход от славы в славу.

(14:42) И в этом смысле месяцы и плоды небесного Иерусалима - это образ живого такого вот динамического процесса, ээ, процесса без увядания, без смерти, без отчуждения. процесс возрастания. Если в небесном Иерусалиме есть листья для исцеления народов, то опять-таки здесь возникают логические вопросы. Если после суда ээ всё уже окончательно разделено, ээ кто-то получил осуждение, кто-то спасение, то кого и от чего исцеляет эти листья.

(15:21) Нету здесь такого указания на образ Священного Писания, на именно на такую эсхатологическую реальность, что это не закрытая дверь, это какие-то продолжающиеся процессы пронизывания твари божественным светом. Если мы снимем с понятия окончательность статус формально догматической неизбежности и понимаем вечность не как застывшую статику, а как иной способ динамического бытия, то трилемма автора письма начинается немножко трансформироваться.

(15:57) Школьная юридическая логика нас привычно учит. Время кончилось, анкеты собраны, разделение зафиксировано навсегда. Ад - это и физическое место, и окончательное решение, и полная, абсолютная, вечная блокировка и внутреннее состояние этой блокировки. А свобода человека в этой схеме, в этом понятии, в этой модели может навечно победить замысел Бога о единстве мироздания.

(16:34) И есть эсхатологическая модель, которая, мне кажется, она ближе к патристической. Логика этой модели говорит о том, что Хронос, история, да, они окончились. начался эон, эон вечности, время возрастания, время, в том числе, как мы читаем в Откровении исцеления. На самом деле, мне кажется, что здесь автор письма приводит скорее привычный такой консенсус школьного богословия X века, чем вот это учение древней церковной традиции.

(17:09) Вообще писание говорит с нами языком парадоксов, языком символов. Одно одновременно, с одной стороны удерживает ужас гибели в закрытости от Бога, а с другой стороны это ликующий образ небесного Иерусалима, чьи ворота не будут затворяться днём, а ночи там не будет. Опес Гатес, открытые врата - это прямой символ незавершённости, незавершённости вот этого отчуждения.

(17:39) А теперь перейдём во второй тезис о святости нашей свободы, святости свободы нашего выбора. Вы знаете, часто я встречаю, не знаю, удивляюсь этому, когда мы свободу выбора человека превозносим, мы считаем, что это нечто такое для нас это особый статус, особый дар. Мы носимся с этой свободой выбора, как простите, дурень соступой.

(18:09) Считаю, что это наша такая привилегия, чуть ли не вершина совершенства. Но всё-то как раз наоборот. Свобода выбора - это не привилегия. Это признак нашей глубокой ущербности, ограниченности, неполноты знания. Это признак несовершенства нашего состояния. Максим Исповедник вёл различие между двумя видами воли.

(18:36) Природная свободна естественная воля - это естественное стремление любого существа к своему благу и, соответственно, к источнику всякого блага к Богу. Э природная воля не выбирает между добром и злом. Точно так же, как глаз не выбирает смотреть ему на мир, смотреть ему на

свет или взять из себя выколоть. Естественная воля всегда просто стремиться к жизни, к свету, к блаженству.

(19:04) А есть воля гномическая. Это вот как раз вот эта та самая воля, с которой мы всё время носимся. Это свобода выбора, свобода колебания. И она возникает только там, где есть неразведение. Человек не знает наверняка, что для него благо, а что нет. А эта свобода выбора есть там, где есть слепота и раздвоенность.

(19:29) Человек выбирает, например, между пищей и ядом, между жизнью и смертью. Ну вот такой простой пример. Вот человек видит перед собой два стакана. В один стакан, э, налита свежая вода, в другой стакан положен яд. И при этом он точно знает, где вода чистая, а где яд. Если у него в данной ситуации свобода выбора. Напиться воды, которая его, когда мучит жажда, это не результат мучительного выбора.

(20:02) Это естественное проявление здравого смысла и жизни. Выбор выпить яд возможен только в состоянии сумашествия, безумия, обмана или же в состоянии фатального незнания, когда человек не знает, где же вода, а яд. У Бога нет никакой свободы выбора, никакого свобода мысли. Бог не сидит в колебаниях, выбирая между добром и злом, между любить там или ненавидеть. Бог, это сама любовь.

(20:31) это само добро. И его свобода - это не свобода выбора гнома, да, не вот этой гномической, а свобода самоосуществления. Это абсолютная полнота бытия. У Бога нет неведения, поэтому ему не изчего выбирать. Ему и не нужно выбирать истину. Он сам есть истина. Значит, цель человека обожения, то и это означает, что он не может, не должен сидеть на развилке двух дорог.

(21:03) Это обоживание - это прежде всего освобождение от необходимости выбирать. Когда свобода выбора исчезает, а боженный человек не выбирает, он твёрдо знает волю Божью во всём. Поэтому, зная, следует этой воли. А автор письма, ну, в принципе, как и вся не вот это европейская философия, вот это всё, что начало у нас после Декарта, наверное, и Канта, они понимают свободу как такую протестантско-гуманистическую автономию.

(21:45) Я имею право на абсолютный произвол. И даже Бог не может переступить через мой священный выбор, даже если я выбираю ад. Но с христианской и святоотеческой точки зрения грех и выбор ада - это не высшая форма свободы, это рабство, это болезнь. Христос прямо говорит: "Всякий делающий грех есть раб греха". Если человек выбирает вечную гибель, он делает это не потому, что он свободен, а потому, что он слеп, потому что он болен, потому что он порабощён обманом.

(22:21) И это не есть великий дар, это его слепота. И может ли болезнь в этом случае быть препятствием для врача? Утверждать, что человеческий безумный выбор зла может навечно заблокировать всемогущую волю Божью, любовь Божью. Это, ну, это по сути значит приравнивать безумие твари к к силе Творца. Когда человек в Асхотоне после воскресение увидит Бога лицом к лицу во всей его полноте, несказанной любви, ну, я думаю, у него не останется предмета для выбора.

(22:55) Всякий обман растопится. Выбирать ад в присутствии явной полноты любви, это это всё равно, что выбирать яд, а не чистую воду. Да, с позиции школьного богословия свобода - это способность сказать Богу нет и уйти в вечный ад. Выбор - это, с этой точки зрения высший признак достоинства личности. Бог уважает нашу автономию, автономия человека, его свобода.

(23:28) И даже тогда, когда человек сам себя уничтожает. Я не думаю, что это правильная точка зрения. Ну вот моя моя точка зрения на это. Я думаю, что всё-таки святоотеческий взгляд он и

наше немножко учит. Свобода - это освобождение от обмана. Это способность жить в полноте любви. Выбор гномический - это признак несовершенства, слепоты.

(23:56) Это признак неведения. Бог исцеляет слепоту человека, восстанавливая его природную волю к благо благу. Итак, вот второй тезис о священной абсолютной свободе личного выбора, он действительно, мне кажется, содержит такую фундаментальную ошибку. Он есть здесь путаница. Совершенную свободу мы путаем как состояние зрелости и ведения, истины и невозможности грешить.

(24:30) С одной стороны, и болезненная свобода выбора - это колебание слепого человека в темноте, который не знает, как правильно поступить. Если эсхатологически человеческая природа исцелена, разум обновлён и просвещён светом воскресения, то выбор зла теряет свою почву. Человек больше не находится в неведении. А значит, иллюзия о том, что свобода - это вечное право оставаться в воду, она с этой позиции, с этой точки зрения рушится.

(25:05) Свобода в Боге - это не право на саморазрушение. Это радость быть там, где ты задуман Богом. Это радость быть таким, каким ты задуман Богом. Ну и третий третий вопрос, который я хотел бы обсудить в связи с этим письмом, это проблема времени, детерминизма и божественного предведения. Вот наше школьное богословие действительно представляет Бога таким, знаете, ну, шахматистом.

(25:38) Человек сделал непредвиденный ход, неправильный, и Бог начинает перестраивать свою стратегию. Такая антропоморфная иллюзия возникает из-за того, что мы мыслим Бога как субъекта, находящегося внутри времени, и он внутри этого времени делает свои шаги. Автор письма пишет: "Грех изменил путь осуществления замысла Божия, а человека, оно не сам замысел".

(26:08) Поэтому крест, страдание, смерть, воскресение Христово - это путь осуществления предвечного замысла уже в условиях падшего мира. Исцеление повреждённой природы является следствием этого замысла, а не его первоначальной целью. То есть получается так, у Бога был один замысел, но дьявол его переиграл, и Богу пришлось идти к той же цели, но уже другим путём.

(26:36) Я понимаю, когда автор этого письма пишет, когда мы так говорим, грех изменил путь, то здесь мы пытаемся избежать другой крайности, то есть сделать Бога автором зла. Но тем не менее языковая конструкция действительно в этом случае делает Бога заложником обстоятельств. Богостовской реальностью тоже Василия Верикого, Дионисия Репогита, даже вот Фамывинского, если его уже брать, у Бога нет до и нет после.

(27:07) Бог не мыслит последовательными шагами. В божественном акте творения весь замысел о мире, от бытия до Эсхоторна до конца времён, он виден сразу. во всей полноте. И Бог творит мир, уже зная о кресте, о воплощении, о баде, о воскресение. Он видит всю картину целиком. Крест Христов в предвечном замысле - это не это не ремонтная бригада, вызванная после аварии.

(27:39) Это фундаментальная основа бытия всего мира. Агнес закланный от создания мира, читаем мы в книге Откровения. Поэтому говорит, что план изменился, это дань, ну, я думаю, это дань нашему такому человеческому, что ли, историческому языку. Для Бога никакой неожиданности не произошло. Ни о каком поражении или переигрывании Творца речи быть не может.

(28:04) Но опять-таки, тут возникает встречный вопрос: а как тогда вообще, как это всё объяснить? Вот как объяснить это вот этим пастухам, простым рыбакам, которому которые окружали Христа, которые окружали апостолов во время его земного странствия. Как это объяснить, я не знаю.

Средневековым крестьянам, которые после каждого неурожая сжигали как минимум одну тётку, обвинив её в колдовстве.

(28:34) Как вообще это объяснить людям, которые называют себя православными, а ищут декон от злаза, от порчи, от наговоров, которым которые живут в такой мифологической и с одной стороны, с другой стороны юридическом мышлении. Ведь на самом деле какая главная задача церкви? Привести человека ко спасению. Что для этого нужно? А для этого нужно говорить с этим человеком тем языком, который будет ему понятен.

(29:03) и который может принести ему наибольшую пользу. И, как правило, во все времена истории это не язык высокого богословия. Куда более понятным и эффективным является язык страха, язык юридических понятий, таких как награда и наказание. Поэтому и получилось так, что вот такая картина, что грехопадение, вот как опи описывают наше школьное богословие, как описывают учебники по закону Божьему, это такой удачный выпад дьявола.

(29:34) Это шаг Богу, это авария промысла, которая случилась по дороге к светлому будущему, которое Бог замыслил прийти совсем другим путём. Если сказать, что грехопадение один из предвиденных пунктов плана, то опять-таки тогда мы рискуем Бога сделать создателем зла, греха и страданий. А это уже вводит такой фатализм и гностицизм.

(30:02) Э, да и вообще для человека, находящегося внутри истории, сама мысль о том, что всё идёт по плану, она может быть понята совершенно иначе. Вот. Вот это то, что может породить действительно, ну, такую духовную беспечность. Зачем тогда бороться с грехом, если это часть плана? Но вот этот вывод может быть самым страшным и самым губительным, потому что опыт зла, опыт страданий, опыт боли, опыт всего того смерти, которую мы сейчас переживаем, опыт отлучённости от Бога и дан нам для того, чтобы мы, проходя борьбу с этим злом, э

(30:46) мы возрастали в этой борьбе. И это единственный способ, который, которым мы можем реализовать замысел Божий о нас. Человек никогда не узнает, что такое здоровье и не будет ценить это здоровье, если он не узнает, что такое болезнь. Мы все это прекрасно знаем по своему историческому опыту. Человек никогда не узнает, что такое рай, если он не пройдёт через опыт страданий и опыт боли.

(31:16) А как иначе человек может вообще опытно различать, где добро, а где зло? Что приносит ему боль, а что приносит ему радость? И отпадение от Бога - это необходимый опыт богооставленности, благодаря которому человек поймёт важность всегдашнего пребывания в Боге. Это как раз то, чего не знал Адам в раю. Он не знал, кто он есть без Бога.

(31:42) Он вообще не знал, что такое жизнь вне Бога, в удалении от Бога. что такое страдание, что такое болезнь, что такая смирение. Он видел себя в благополучие и всё. И он этого не ценил. А зачем ему это было ценить? Ему нечем было просто сравнивать. А мы теперь вот на своём горьком опыте узнаём. И это для того нам нужно и важно, чтобы мы не повторяли ошибку Адамом и понимали, исходя из своего жизненного опыта, как важно стремиться к благу, к свету, к добре, к добру, к любви, к Богу.

(32:14) А нам не надо забывать, что Бог по своему благу может преобразить даже катастрофу, ещё большее торжество любви. Собственно, что и происходит сейчас в истории. Ээ зло не имеет собственной сущности антологии. Зло - это паразитарное состояние, это дыра в бытии, это иллюзия. История - это не борьба равных сил, как часто мы себе представляем, некоторые люди так представляют, это не борьба Бога и дьявола.

(32:49) Нет, как писал Достоевский, Бог не борется с дьяволом. Дьявол с Богом борется, а Бога нет. Бог это не борьба Бога и человеческого преамства. Нет, Бог всемогущий, ему не надо ни с кем

бороться. Если грех - это не самостоятельная сущность, а неведение, болезнь, а Бог единственный источник бытия, то история действительно не может застрять или уйти куда-то не туда.

(33:22) Она движется к той точке, где Бог будет всяческое во всём. И здесь мы можем опять-таки вот исходя из того, что мы сказали, вот на эту позицию вывести такие три точки, три подхода. Первый привычный нам школьный, антропоморфный. Рехопадение - это непредвиденное ЧП, срыв изначально идеальной картины. План Б. Бог вынужден реализовать, спасти то, что осталось.

(33:52) И Бог здесь выглядит таким ограниченным во времени. не проигравшим первый раунд. Есть подход детерминистический, фатализм, грех прямо заложен, запрограммирован Богом. Ээ план жестокий, жёсткий, единственный человек. Здесь просто марионетка, а Бог становится автором зла и страданий. И, собственно, подход патристический, святоотеческий, свободный уход твари в неведение, который Бог предвечно включил в акт творения для её же переплавки, для переплавки и преображения творения.

(34:32) Предвечный и незыблемый замысел, в котором воплощение победа Христа изначально. Вот такое понимание требует, да, определённого уровня духовной зрелости. определённого уровня богословского образования, ээ чтобы не впасть в беспечность, чтобы не понимать это превратно. Из всего м вышесказанного можно предположить, что разделение всё-таки не окончательно, потому что предание многослойно, а вечность - это не какой-то статический замок с закрытой дверью.

(35:11) Это динамический такой он исцеления. Мы уже решили, что свобода выбора - это не да, это не дар, это не привилегия, это такое болезненное состояние неведения, которое исчезает при встрече с полнотой истины. И мы можем не сомневаться, что замысел Божий не рушится, потому что Бог над временем. Его предвечный план спасения включил в себя всю глубину человеческого падения, в том числе и всех наших ошибок, чтобы извлечь из неё наиболее славное. воскресенье.

(35:44) Многие наши противоречия возникают тогда, когда мы пытаемся описать божественную вечность языком таких, знаете, юридических терминов, вместо того, чтобы описывать языком, ну, такой богословской христологии. При этом тупики, в которые упираются вот эти наши размышления, это даже, знаете, это даже не граница человеческого разума часто.

(36:12) Это часто следствие сложных предпосылок нашего школьного вот этого системного образования богословия. А давайте подведём итоги, ещё раз повторим, ээ то, что было уже сказано. Итак, в соборных решениях древней церкви нет догматического утверждения об абсолютной метафизически запечатленной окончательности ада. Осуждение оригинализма пятым вселенским собором касалось мифа о предсуществовании души механическом упразднении свободы, а не богословия всеобъемлющей надежды, которые развивал Григорий Ниски, Исаак Сирин, ээ и другие отцы.

(36:58) Фраза времени уже не будет означает прекращение хроноса, времени тления распада, а не статистический статический застой. Символика небесного Иерусалима, листья для исцеления народа, врата не будут затворяться, указывают на то, что эсхатологический эон - это живой процесс непрестанного углубления в Бога, экстазиса и пронизывания твари светлым присутствием.

(37:24) В Святоотеческой традиции, в частности того же Максима исповедника, колебание, необходимость выбора - это не признак величия или достоинства личности, а следствие нашей ограниченности, нашего неведения, нашей духовной слепоты. У Бога нет выбора. Бог не выбирает между добром и злом. Он есть само добро. Совершенство не выбирает. Оно знает истину.

(37:49) Вскхотоне, когда человек увидит Бога лицом к лицу, иллюзии и неведения должны растопиться, и свобода человека уже исцеляется, а не насилуется. Ээ представление о том, что

грех изменил путь замысла, и Богу пришлось как-то перестраиваться, это антропоморфная иллюзия. Бог находится в нём времени, и свой предвечный акт творения он совершает уже, зная о грехопадении, о кресте и воскресении.

(38:19) Концепция срыва плана нужна школьному особи исключительно, я так думаю, всё-таки в педагогических целях, чтобы человек внутри истории не впал в фатализм или в какую-нибудь такую духовную беспечность. Но на уровне метафизическом таком история седьмого дня идёт именно туда, куда задумал творец, и ничто не может его переиграть в любовь.

(38:45) И вот этот белогословский треугольник в данной схеме, он как бы, ну, расшатывается сам по себе уже, как только мы освобождаемся от категории юридика. И то, что я могу предположительно высказать в качестве своего личного теологумена, частного боссовского мнения, это всё это не входит нигде ни в чём в противоречие со священным писанием, с преданием церкви.

(39:19) Вот и суть вывода может быть следующая. Победа Христа абсолютно, потому что воплощение воскресения - это изначальная основа мира. Подлинная свобода личности засягается не в праве на вечное саморазрушение, а как раз наоборот в исцелении воли и избавления от этой слепоты. И, соответственно, окончательное разделение, это не вечный юридический приговор.

(39:52) Это, может быть, больше предубеждение педагогическое нашему историческому человеку, за которым, может быть, где-то скрывается как раз вот эта вся тайна полноты, когда Бог будет всяческое во всём. Но при всём этом важно знать и понимать, что выбор человека в земной жизни между добром и злом, между Богом и дьяволом, между царством небесным и адом, он всё-таки является определяющим и очень важным.

(40:28) И эта короткая жизнь нам дана, чтобы через усилие, через борьбу со злом, вот мы, несмотря на все сложности и крестоношения, стремились Богом и достигли того замысла, а, который Бог положил о каждом из нас изначальном замыслом, который был в его божественных логосах. И, собственно, для этого нам и дана вот эта наша очень короткая земная жизнь.